

Н.А. Потапова

Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
*Автор для корреспонденции: skna17talya@mail.ru

Корейская диаспора в СССР в 1930-е годы

Аннотация. В статье речь пойдет о так называемой корейской проблеме в Советском Союзе и способах найти пути ее решения. В наследство от Российской империи большевики получили нерешенный вопрос активного заселения Дальнего Востока корейцами. Миграция из японской Кореи была массовой и бесконтрольной. В отличие от китайцев, которые селились по всей территории Советского Союза, корейцы располагались компактно, в дальневосточном регионе. По переписи населения 1937 г. диаспора в СССР насчитывала около 200 тыс. человек. Начиная с 1920-х гг., большевистское правительство делает попытки решить корейский вопрос в стране, в том числе подвергая репрессиям представителей диаспоры. Однако к кардинальным и решительным мерам большевики прибегают в 1930-е гг. В это время в отношении корейского населения участились случаи преследования, основная причина которых сводилась к желанию большевистского правительства освободить страну от «неблагонадежных» и «опасных» элементов. Репрессии в отношении корейцев в 1930-е гг. условно можно разделить на два этапа. Первый этап охватывает время с начала нового десятилетия до лета 1937 г. Этот период характеризуется единичными арестами корейского населения, апогей преследований приходится на 1931–1932 гг., что объясняется оккупацией Маньчжурии Японией и, как следствие, появлением новой волны корейского населения на советском Дальнем Востоке. Японская военная угроза стала главной причиной, побудившей большевистское правительство искать иностранных шпионов и агентов в СССР, населению, проживавшему на территориях, захваченных Японией и оказавшихся в Советском Союзе, инкриминировали японский шпионаж. Поэтому корейцы стали одной из категорий так называемой пятой колонны. Точечные репрессии первой половины 1930-х гг. сменились массовыми карательными акциями во второй половине 1930-х гг., пик которых пришелся на 1937–1938 гг. В это время чекисты провели «корейскую» репрессивную операцию, цель которой выражалась в отселении корейцев от советских границ и численном сокращении диаспоры.

Ключевые слова: СССР; корейцы; диаспора; репрессии; Большой террор; депортация; «харбинская» операция; «смешанная» операция; «национальные» линии; внесудебные инстанции.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-135-2-48-62>

Поступила: 15.05.2021 / Одобрена к опубликованию: 30.05.2021

Введение

Массовая корейская миграция на российский Дальний Восток началась во второй половине XIX в., вызвана она была экономическими причинами. В отличие от китайцев, которые были очень мобильны

и распространились по всей территории Российской империи, корейцы расселялись очень компактно, главным образом на юге Дальнего Востока, несмотря на то, что их община почти в три раза превышала китайскую. Численность корейской диаспоры в Советском Союзе постоянно увеличивалась

и, надо отметить, этот рост шел быстрыми темпами. Так, по переписи населения 1926 г. в стране было зарегистрировано 86999 человек [1, с. 34–51], а по переписи населения 1937 г. – 168 259 корейцев [2, 90 с.]. Таким образом, за десять с небольшим лет корейское население в СССР увеличилось почти вдвое.

Советская власть, получившая в наследство нерешенный корейский вопрос, пыталась урегулировать его при помощи кампаний по отселению корейцев с приграничных территорий и тотальной паспортизации населения. Уже в период гражданской войны в советской России начались стихийные массовые переселения. Для регулирования этих потоков руководством страны в 1924 г. был создан Всесоюзный Переселенческий Комитет при ЦИК СССР (ВПК). Одновременно с Всесоюзным переселенческим комитетом (ВПК) СССР существовал Переселенческий отдел при Главном Управлении лагерей НКВД СССР (ГУЛАГ НКВД СССР), на который возлагалась задача по заселению и созданию сельскохозяйственной базы в районах строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а также на других главных строительных объектах СССР. 10 июня 1936 г. постановлением Советского правительства ВПК СССР был передан в ведение НКВД СССР. В связи с этим был образован Переселенческий отдел НКВД СССР. Фактически эта мера означала, что отныне корейский вопрос переходил в полномочия чекистов.

Переселенческая политика большевиков имела два вектора развития. С одной стороны она была направлена на заселение многоземельных районов для их освоения, с другой – на зачистку приграничных территорий от «неблагонадежного» населения, к которому советское руководство причисляло и корейцев, так как большевики имели опасения, что в случае войны национальные меньшинства могут стать пятой колонной.

Первое массовое отселение от границы корейцев, фактически японских подданных, провели в 1929–1930 гг., в результате чего

из Владивостокского округа в Хабаровский переселился 3371 чел., по большей части добровольно [3, 191 с.]. Однако из-за коллективизации и сопровождающей ее «кулацкой» ссылки этническая «зачистка» Дальнего Востока была отложена. В 1933–1934 гг. в СССР была проведена паспортизация населения с целью административного демографического учета и надзора. Административно-территориальные единицы делились на обычные и режимные. В последних население, отнесенное сотрудниками милиции или ОГПУ на основе имеющихся у них учетных данных к «неблагонадежным» и «социально опасным» элементам, не паспортизировалось, а выселялось за пределы режимных районов. К «отказникам» относили «лишенцев», бежавших из сельской местности, «кулаков», перебежчиков, бывших царских офицеров и жандармов, бывших заключенных и ссыльных, советских работников японских концессий и др. Кампания по введению паспортной системы не обошла и корейцев, в том числе дальневосточных. В отличие от китайцев, которые находились в СССР только с целью заработка, корейцы были заинтересованы в том, чтобы остаться здесь на постоянное местожительство, поэтому охотно получали паспорта, меняя при этом японское подданство на советское. Однако около 56 тыс. чел., в том числе корейцев, были вынуждены покинуть Дальневосточный край [3, 191 с.]. Таким образом, в ходе паспортизации Дальний Восток частично был освобожден от «неблагонадежных» и «социально опасных» элементов на фоне оккупации Северо-Восточного Китая Японией.

С этого времени население было подвергнуто тотальному оперативному учету, а дальнейшие постановления только усиливали уже заведенный порядок. Кроме того, определился гражданско-правовой статус корейского населения. Основная часть имела советское гражданство, «отказникам», высланным с Дальнего Востока как «неблагонадежный элемент», был присвоен статус административно высланных. Их ряды

в первой половине 1930-х гг. пополнили интернированные воинские части Китая, среди которых были корейцы. В связи с тем что к 1937 г. советская граница уже была закрыта и инфильтрация через границу закончилась, «нелегалов» (перебежчиков) из числа корейцев на территории СССР оставалось не много.

Июньская ориентировка 1933 г. заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР Я.С. Агранова, в которой говорилось о возможной войне с Японией, предписывала осуществлять оперативный учет всех лиц, прибывших из Маньчжурии (главным образом находившихся в Харбине и в аппарате КВЖД), обеспечив их соответствующим «агентурным освещением», за исключением членов ВКП(б), не вызывающих подозрений. Ориентировка выделяла контингенты, завербованные японской разведкой, которые теперь также должны были подвергаться учету. К ним относились (помимо служащих КВЖД и эмигрантов в Китае) японцы, корейцы, китайцы, буряты, монголы, татары, проживающие в ДВК, а также сотрудники консульств. Чекистам рекомендовалось выявлять существующие среди них контрреволюционные группировки и выяснять характер их связей с японской разведкой в период пребывания за границей [4, 1–21 л.]. Начиная с 1933 г., учет лиц, въезжающих в страну, становится тотальным. Подучетным населением становились перебежчики, реэмигранты, политэмигранты, работники иностранных концессий, военнопленные и др. С этого времени в отношении корейского населения органы ОГПУ начали проводить единичные репрессии. По обвинению в «японском шпионаже» в 1933 г. было задержано 213 чел., в 1934 г. – 104 чел. [5, 254–255 с.].

В апреле 1937 г., в рамках подготовки к проведению массовых репрессий 1937–1938 гг., в газете «Правда» была опубликована статья «Иностранный шпионаж на советском Дальнем Востоке», которая открыто называла корейцев (как и китайцев) «японскими шпионами» и призывала советское общество к борьбе с «иностранными агентами» [6].

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 сентября 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов выступил с проектом закрытого письма № 60268 «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев», в котором сообщалось о направлениях и масштабах «японской разведки» на территории Советского Союза, и предложил к утверждению проект приказа НКВД СССР № 00593. Закрытое письмо являлось обоснованием начала массовой карательной акции против «харбинцев», а приказ – инструментом ее проведения [7, 171–191 с.].

Содержание письма коррелировалось с сюжетом статьи «Подрывная работа японской разведки», помещенной в газете «Правда» 9–10 июля 1937 г. [8]. В письме характеризовалась «террористическая, диверсионная и шпионская деятельность японской разведки», якобы осуществлявшаяся бывшими служащими КВЖД и реэмигрантами из Китая, корейцами, китайцами и монголами на территории СССР; приводились «приемы вербовки», «каналы переброски» и примеры конкретной «подрывной» деятельности. Однако в отличие от письма, в котором «японскими шпионами» были названы в первую очередь бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая, статья в ряды «разведчиков и диверсантов» ставила корейцев и китайцев. По мнению автора публикации, именно корейцев Япония особенно массово использовала в шпионской работе, а корейское национально-освободительное движение было названо местом рождения шпионов. В статье отмечалось, что органы НКВД массово разоблачают «квалифицированных агентов» из числа корейцев, особенно на Дальнем Востоке. Для подтверждения активной деятельности сотрудников госбезопасности в публикации был приведен пример об аресте советского корейца Ким-За-Ена, которому было предъявлено обвинение в шпионаже. Интересно, что далее в тексте сообщалось, что японские власти ходатайствовали о освобождении и высылки из Советского Союза Ким-За-Ена, получив на свой запрос

отказ. Опыт работы с подобного рода сведениями позволяет утверждать, что события, описываемые в статье, не выдуманы и основываются на реальных фактах. В базе данных «Открытый список» имеются сведения о Ким-За-Ене, арестованном в Москве в 1934 г. и расстрелянном в этом же году по решению Военной коллегии Верховного суда СССР [9].

Материалы и методы

На протяжении 1920–1930-х гг. волны лояльности в отношении корейцев сменялись политическими преследованиями. Однако главную карательную акцию против представителей этой национальности органы НКВД СССР провели в годы Большого террора. Проблема политических преследований против корейцев находит свое отражение в работах Ж. Сон [10]. Автор делает попытку на основании данных книг памяти определить численность арестованных и осужденных корейцев в Советском Союзе в 1920–1953 гг. [11]. А.Г. Тепляков указывает на то, что корейцы стали целевой категорией массовых карательных акций [12]. Г.Д. Жданова на основании материалов внесудебных инстанций отмечает, что по «харбинской» операции в Алтайском крае прошло около 40 % китайцев и корейцев от общего числа осужденных по приказу № 00593 [13]. Ведущий российский историк В.Н. Хаустов склонен выделять так называемую японскую операцию НКВД СССР 1937–1938 гг. Он полагает, что карательная акция включала в себя аресты «харбинцев», депортацию корейского населения из Дальневосточного края, а также репрессивные акции, в том числе выселение из страны и расстрел или заключение в отношении китайцев. Данную операцию автор выделяет на основании обвинения этих категорий в «японском» шпионаже [14, с. 106–118.]. Эти исследования лишь косвенно затрагивают тему массовых репрессий против корейского населения. В работах нет ясности касательно механизмов и технологий карательной политики в отношении тех, кому инкриминировали японский шпионаж.

Кроме того, историки до сих пор не могут привести точную численность осужденных корейцев в годы массовых репрессий, так как в своих работах не используют материалы внесудебных инстанций. Для обнародования полных статистических данных крайне важно обрабатывать весь массив таких документов, хранящихся в ведомственных архивах ФСБ (бывших КГБ). Источниковую базу данной работы составили протоколы внесудебных инстанций, а также прекращенные архивно-следственные дела периода Большого террора.

Обсуждение и результаты

Массовость осуждений в годы Большого террора была обеспечена проведением двух главных карательных операций — «кулацкой», направленной на борьбу с «бывшими», и серии «национальных» операций, обращенных на «инонационалов» и «инограждан», которых советское руководство подозревало и обвиняло в иностранном шпионаже.

Преследования корейского населения активизируются в конце августа 1937 г., когда нарком внутренних дел Н.И. Ежов подписал циркуляр «Об иностранцах», предписывающий уже не только отказывать в предоставлении вида на жительство всем иностранцам, проживающим в СССР, но и проводить аресты «при наличии компрометирующих данных» [15, 324–325 с.]. С конца лета 1937 г. органы НКВД СССР запустили три карательных направления: «кулацкая» операция, серия «национальных» карательных акций и репрессии в отношении советской элиты. Эта мера стала следующим этапом, направленным на тотальное очищение страны от иностранцев. Несмотря на то, что с начала 1930-х гг. чекисты обозначили корейцев целевой группой предстоящего террора, отдельной карательной линии в 1937–1938 гг. против них проведено не было. Однако это не означает, что корейское население не попало под маховик репрессий, аресты и осуждения корейцев шли по трем магистральным операциям. Но если в рамках «кулацкой» операции и репрессий в

отношении советской элиты преследования против корейцев массово не развернулись, то особого масштаба они достигли в ходе проведения «национальных» линий, а именно «харбинской». Поэтому целесообразно говорить о «корейской» операции НКВД, проводимой в рамках приказа № 00593.

Специального оперативного документа, направленного на репрессии против корейского населения, до января 1938 г. издано не было, в то время как в отношении семи этнических групп (немцы, поляки, «харбинцы», латыши, греки, иранцы и иранские армяне, афганцы) Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальные карательные постановления, за которыми следовали оперативные приказы НКВД СССР о начале арестов и осуждений. Однако политические преследования в стране в отношении корейского населения проводились, что подтверждают архивные данные. Только 31 января 1938 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности, в котором среди перечисленных этносов значились корейцы [16, 468 с.]. Но даже после этого документа сотрудники НКВД не выделили отдельной «корейской» операции, продолжая аресты и осуждения населения в рамках приказа № 00593 как «японских» шпионов.

С осени 1937 г. карательные органы с санкции Москвы «встроили» репрессии против корейцев в операцию по ликвидации «японского шпионажа». На борьбу с «агентами японской разведки» был направлен приказ № 00593 («харбинская» операция) от 20 сентября 1937 г. Целевыми категориями должны были стать бывшие служащие КВЖД, вернувшиеся в СССР после продажи дороги Японии, реэмигранты из Китая, в том числе и перебежчики. На самом деле по статье «японский шпионаж» арестовывали более широкие группы населения, в том числе и корейцев. Основанием для расширения целевых категорий приказа № 00593 стало закрытое письмо № 60268 «О террористической, диверсионной

и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев», которое фактически обозначило две крупные целевые категории: «харбинцев» как бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, а также японских шпионов. Представителей корейской диаспоры репрессировали в рамках приказа № 00593 в РСФСР, Казахской, Украинской, Грузинской, Армянской ССР, т.е. включение данной этнической группы в рамки «харбинской» операции было общесоюзной тенденцией, а не региональной особенностью.

Корейцам, арестованным в рамках «национальных» карательных операций, выносили приговоры Комиссия НКВД и Прокурора СССР (двойка) в составе наркома внутренних дел Н. И. Ежова и Прокурора СССР А. Я. Вышинского. На основании следственных материалов составлялись краткие справки на каждого арестованного, где указывались краткие анкетные данные и предлагаемая мера наказания (расстрел или исправительно-трудовой лагерь). Справки подписывали начальник УНКВД и прокурор (республиканская двойка). После этого справки комплектовались в «альбомы», которые отправлялись в Москву, где утверждались окончательные решения. Вследствие перегруженности работой в сентябре 1938 г. карательные полномочия были переданы на места в компетенции Особых троек в составе начальника УНКВД, прокурора и секретаря обкома (крайкома) партии.

Советское руководство, стремясь решить корейский вопрос, параллельно с идущими репрессиями, запускает еще одну карательную акцию в отношении диаспоры, усиливающую террористические меры, – отселение корейцев из приграничных территорий. В конце июля 1937 г. И.В. Сталин, назначая Г.С. Люшкова начальником НКВД по Дальневосточному краю, инструктировал его: «Война с Японией неизбежна; Дальний Восток, несомненно, станет ареной боевых действий. Необходимо очистить армию и тыл наиболее решительным способом от вражеских шпионов и прояпонских элементов. Япония

имеет основу для шпионажа и подготовки восстания посредством корейцев и китайцев» [17, 286–299 с.]. Именно с именем Г.С. Люшкова ассоциируются массовые репрессии 1937–1938 гг. на Дальнем Востоке. В регионе аресты и осуждения по основным «национальным» операциям не были массовыми: по «польской» репрессировали около 400 чел., по «харбинской» – около 450, а лиц, обвиняемых в «немецком» шпионаже, в крае не было выявлено вовсе. В то время как с целью очищения приграничных территорий в ДВК были проведены две крупные репрессивные кампании против корейцев и китайцев, в ходе которых около 200 тыс. человек было подняты с обжитых мест.

В рамках идущих массовых операций Большого террора на Дальнем Востоке, с целью усиления мер по очистке страны от «неблагонадежных» элементов, с постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края» от 21 августа 1937 г. начинается первая в Советском Союзе высылка по этническому признаку. Ее результатом стало переселение около 172 тыс. советских корейцев в Казахскую и Узбекскую ССР [16, 639 с.]. На подъеме депортационной кампании 19 сентября 1937 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) подписывает приказ НКВД СССР № 00593. Принятые чекистами меры свидетельствовали о проведении советским руководством так называемой корейской карательной акции, направленной на окончательное решение одноименного вопроса. Методы у депортационной кампании 1937 г. и начатой в сентябре 1937 г. «харбинской» операции были разные. Переселение осуществлялось по этническому признаку с целью очищения приграничных территорий от крупной корейской колонии, а «линейная» акция была направлена на физическое уничтожение определенных приказом целевых групп по признаку «связь с японским государством». Помимо того, что указанные карательные меры проводились чекистами параллельно, они зимой-весной

1938 г. пересеклись друг с другом. В это время часть депортированных корейцев в Казахской и Узбекской ССР подверглась преследованиям в рамках приказа № 00593, то есть в отношении группы людей была проведена повторная репрессия.

Повторим, что специального оперативного документа, запускающего карательную акцию против корейцев, не было. Целевыми категориями «национальных» операций они не были названы и в приказах НКВД СССР, вышедших в январе и апреле 1938 г., о продлении уже идущих «линейных» репрессий и о начале новых операций против «националов». Вероятно, из-за депортационной кампании, примененной к общине, компактно проживающей на юге Дальнего Востока, в ходе которой корейцы были тотально переселены из приграничных районов. В остальных регионах страны их численность не превышала нескольких десятков человек, а потому не представляла угрозы. Однако ярлык «японских шпионов», повешенный на представителей диаспоры, в ходе подготовке к «национальным» операциям в 1933–1937 гг. в регионах СССР определял корейцев как целевую категорию приказа № 00593. Решение о включении представителей этой национальности в «харбинскую» операцию исходило от начальников УНКВД (НКВД), которые при решении этого вопроса в первую очередь руководствовались численностью общины в подведомственной им территории.

Несмотря на депортацию корейцев с Дальнего Востока, в регионе представителей диаспоры арестовывали по обвинению в «японском шпионаже» как до кампании по переселению, так и после, позднее включив их в «альбомы» по китайской операции, направленные на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР весной 1938 г., которая провела их по приказу № 00593.

«Харбинская» операция как сложноорганизованная репрессия состояла из нескольких линий, выделяемых по признаку «связь с японским государством», а также на основании национальной и социальной

принадлежности. Проведенный автором анализ «альбомных» справок, составленных на корейцев до января 1938 г., показал, что в этот период арестам подвергались корейцы, родившиеся за пределами СССР, т.е. «связь с японским государством» на этом этапе проведения массовых операций выступала основанием для репрессий. Однако к весне 1938 г. «национальные» операции приобрели тенденцию этнизации. Именно в это время, когда в большинстве регионов лимиты по «кулацкой» операции были выполнены, карательные акции против «националов» становятся приоритетным направлением репрессивной политики. Центральный аппарат НКВД требовал отправки региональных «альбомов» по первой и второй категориям еженедельно, однако многие республиканские, краевые и областные НКВД уже репрессировали к этому времени всех, кому можно было предъявить обвинение за «связь с иностранным государством», поэтому репрессии стали проводить по этническому признаку, во многих случаях в делах и справках подтасовывали факты. Так, в Алтайском крае чекисты в материалах следствия указывали, что обвиняемые в «японском шпионаже» временно выезжали на территорию Японии или Китая. Однако проверка 1939–1941 гг. не подтвердила фактов выезда за пределы СССР [18].

В докладных записках о ходе «харбинской» операции, которые направлялись в центральный аппарат НКВД, чекисты сообщали, что корейцы (наряду с «харбинцами» и китайцами) являются основными «каналами проникновения японской агентуры» в СССР. По мнению карателей, японская разведка перебрасывала завербованных корейцев с территории Китая и Маньчжурии на Дальний Восток, где они ассимилировались. После этого переезжали для шпионской деятельности в регионы СССР, где действовали под прикрытием в специально созданных корейских рисовых колхозах, китайских прачечных, артелях по изготовлению игрушек, артелях грузчиков и т.д.

В записках определялись главные районы сосредоточения корейцев – «японских шпионов», в том числе Донбасс, Днепропетровская и Ростовская области, Краснодарский край, Средняя Азия. В этих и других регионах начались массовые аресты корейцев в январе–феврале 1938 г. с постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности от 31 января 1938 г., которое не только активизировало идущие «национальные» операции, но и начинало новые – по «болгарской» и «македонской» линиям [16, 468–469 с.].

С февраля 1938 г. «национальные» карательные акции стали главным направлением в деятельности НКВД, сменив центральную для осени–зимы 1937 г. «кулацкую» операцию, а весной 1938 г. репрессии против «националов» развернулись особенно широко. Из показаний сотрудников УНКВД по Иркутской области Л.А. Комова и П.В. Турлова следует, что в феврале–марте «китайцев и корейцев арестовывали всех без исключения». «На них по городу Бодайбо (Иркутская область) делались облавы, устанавливали их квартиры, высылали людей на арест с установкой арестовать поголовно всех китайцев и корейцев» [19]. Та же ситуация была и в других регионах страны. Так, в Красноярском крае из 187 чел., прошедших по «харбинскому» приказу к середине осени 1938 г., 174 чел. были арестованы в феврале–марте 1938 г. [20, 17–76 л.]. В Дальневосточном крае за февраль–март было арестовано 11 тыс. китайцев [21].

К апрелю 1938 г. корейские и китайские операции были завершены, к маю 1938 г. следственные мероприятия окончены и «альбомы» отправлены на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР, которая вынесла окончательные приговоры только в августе–начале сентября 1938 г. Основные репрессии прошли в Казахской, Узбекской, Киргизской ССР, Якутской АССР, Красноярском и Краснодарском краях, Новосибирской, Ленинградской, Иркутской,

Читинской, Ростовской областях и др. Проведенный автором анализ «альбомных» справок показал, что в южных и центральных регионах Советского Союза по приказу № 00593 были репрессированы корейцы – переселенцы с Дальнего Востока, а на Урале, в Сибири и Средней Азии – преимущественно административно высланные из ДВК, в том числе интернированные [22].

На Донбассе, в Днепропетровской и Ростовской областях, Краснодарском крае, Крымской АССР арестам и осуждениям подвергали корейцев, занимающихся рисоводством. Так, в УССР по «харбинскому» приказу было репрессировано 25 корейцев (3 % от общего числа осужденных по приказу № 00593 в УССР), проживавших преимущественно в совхозах «Азоврис», «Донбассрис», «Укррис» и др. [23, 80–154 л.] Краснодарский край – регион, в котором «корейская» линия в «харбинской» операции преобладала. Комиссия НКВД и Прокурора СССР за ноябрь 1937 г. – февраль 1938 г. рассмотрела семь «альбомов» на 212 чел., из которых 115 – корейцы, преимущественно крестьяне, которые занимались рисоводством, т.е. их доля в рамках приказа № 00593 составила 54,2 % [24].

В Алтайском крае один кореец прошел по сфабрикованному осенью 1937 г. барнаульскими и бийскими чекистами крупному делу «Сибирский союз Дальневосточников» [25]. В ноябре 1937 г. на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР был отправлен альбом по первой категории (ВМН) на 42 чел., только 5 чел. не были представителями корейской национальности. К сентябрю 1938 г. «двойка» вынесла приговоры в отношении 62 корейцев (10 %), все они, согласно следственным материалам, были выселены в первой половине 1930-х гг. с Дальнего Востока как «неблагонадежные элементы» [26].

В первой половине 1930-х гг. советско-китайскую границу перешли разбитые китайские воинские части, которые в СССР были интернированы и отправлены в Западную и Восточную Сибирь. Среди военных

китайской армии были и представители корейской национальности. Нам известно, что до 200 корейцев было отправлено на работу в Черногорские каменноугольные шахты в Красноярском крае [27, 1 л.], а к 5 марта 1938 г., согласно телеграфному сообщению УНКВД по Красноярскому краю, 136 интернированных корейцев включили в «альбомы» по приказу № 00593 [28, 44 л.]. В целом в регионе по «харбинскому» приказу к середине сентября 1938 г. было осуждено 187 чел. (18 %), главным образом, из числа административно высланных [29, 1 л.].

В Новосибирской области Особая тройка по «харбинскому» приказу рассмотрела 756 дел, из них 153 – составлены на корейцев (20 %). При этом 74 чел., приговоренные к расстрелу, были заключенными Сиблага, осужденными в первой половине 1930-х гг. на Дальнем Востоке за «японский шпионаж» на различные сроки лагерного заключения [30].

Казахская ССР до февраля 1938 г. представила на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР семь «альбомов» по «харбинской» операции на 82 чел., в том числе на 10 корейцев, т.е. репрессии по приказу № 00593 в республике не были массовыми. Арестованные корейцы в прошлом были высланы с Дальнего Востока как «неблагонадежные элементы». Однако с февраля 1938 г., когда «национальные» операции были активизированы с новой силой, количество обвиняемых в «японском шпионаже» резко увеличилось. Способствовал росту арестов и новый нарком внутренних дел КазССР С.Ф. Реденс. С февраля до сентября 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР рассмотрела «альбомные» справки, предоставленные КазССР, по приказу № 00593 на 634 чел., из них 220 были составлены на корейцев (34 %). Не рассмотренные Комиссией НКВД и Прокурора СССР «альбомы» на 1935 чел. были отправлены в сентябре 1938 г. на рассмотрение Особой тройки. Есть все основания полагать, что вернувшиеся списки были составлены преимущественно на корейцев и уйгур. Однако этот тезис нуждается в проверке.

Проведенный нами анализ «альбомных» справок показал, что 170 чел. из 220-ти арестовывались в первой половине 1930-х гг. в Дальневосточном крае как «японские шпионы» и были высланы в Казахскую ССР как «неблагонадежные элементы», а 50 чел. – депортированы в 1937 г., т.е. в ходе Большого террора они были дважды репрессированы.

К настоящему времени численность репрессированных корейцев по «харбинской» операции, осужденных Комиссией НКВД и Прокурора СССР, не введена в научный оборот. Корейцы, наряду с бывшими служащими КВЖД, реэмигрантами из Китая, китайцами и др., подвергались арестам и осуждениям как «японские шпионы» уже на начальной стадии проведения «харбинской» карательной акции. К концу февраля 1938 г., согласно отчету НКВД СССР, по «харбинской» операции было арестовано 19 465 чел., из них 1868 чел. – корейцы (9,5 %). Основные задержания прошли в ДВК (1030 чел.), Новосибирской (161 чел.) и Свердловской (120 чел.) областях, Казахской ССР (112 чел.), Краснодарском (97 чел.) и Алтайском (58 чел.) краях, Читинской (58 чел.), Ленинградской (53 чел.), Иркутской (26 чел.), Московской (20 чел.), Омской (19 чел.), Челябинской (12 чел.), Ярославской (6 чел.) областях, Чечено-Ингушской (18 чел.) и Татарской (2 чел.) АССР [31, 33–35 л.].

В сентябре 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР прекратила свою работу, вернув нерассмотренные «альбомы» в регионы на утверждение Особым тройкам. Согласно отчету НКВД СССР о национальном составе осужденных, подготовленному пятым отделением к 15 ноября 1938 г., с середины сентября до середины ноября 1938 г. тройки осудили 2103 корейцев, при этом 2054 чел. прошли по «харбинскому» приказу, что составило 17,4 % от общего числа репрессированных [32, 2 л.]. Эти данные еще раз подтверждают, что в рамках приказа № 00593 была проведена масштабная «корейская» линия. Если до сентября 1938 г. по численности жертв она уступала «китайской», то за два последних месяца Большого террора ситуация поменялась.

Цифры свидетельствуют о том, что основной удар по корейскому населению был сделан в период работы Особой тройки.

В целом на основании «альбомных» справок и протоколов по приказу № 00593 нами было выявлено около 5 тыс. приговоренных к различным мерам наказания корейцев, при этом около 95 % были приговорены к ВМН, остальные – к лагерному заключению. Однако для Якутской АССР, где «корейская» линия по численности репрессированных в рамках приказа № 00593 уступает только «китайской», были утверждены относительно мягкие приговоры. Корейцы-перебежчики, которых здесь было арестовано 51 чел., были осуждены на лагерное заключение сроком на десять лет. Наиболее суровые наказания были применены к корейцам в Ленинградской, Московской, Иркутской областях, Казахской ССР, где доля расстрельных приговоров достигала 100 %.

Однако не все корейцы, осужденные в 1937–1938 гг., вошли в статистику приказа № 00593. До начала сентября 1938 г. органы НКВД проводили так называемую смешанную национальную операцию [7]. Проведенный нами анализ протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР показал, что карательные органы в 1937–1938 гг. проводили 11 «национальных» репрессивных акций: «польскую», «немецкую», «харбинскую», «латышскую», «греческую», «румынскую», «финскую», «эстонскую», «иранскую», «афганскую» и «смешанную» (или «разную»). Данные протоколов о количестве «линейных» операций подтверждаются и итоговым отчетом НКВД СССР от 15 ноября 1938 г.

Около половины прошедших через «разные» протоколы были «неблагонадежными» группами населения, обозначенными в приказах № 00485, 00439, 00593 и др. При этом значительный сегмент репрессированных (около 20 %) приходился на лиц, обвиненных в «японском шпионаже», т.е. на «харбинцев» (бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая), китайцев, корейцев, уйгур, «дальневосточников» (административно высланных с Дальнего

Востока), «монголистов» (этапированные из МНР) и др. Безусловно, «харбинцы», китайцы, корейцы проходили и по другим «национальным» операциям, так же как поляки, немцы, эстонцы, финны попадали под репрессии в рамках приказа № 00593. Однако в таких случаях карательные органы инкриминировали арестованным соответствующий линии шпионаж. Приказы НКВД по «национальным» операциям диктовали обвинение в соответствующем карательной акции «шпионаже». Чекисты строго придерживались данного правила как в обвинительном заключении, так и в «альбомных» справках. Подшитые в «альбом» справки были упорядочены согласно этому принципу. Доля «харбинцев», китайцев, корейцев, осужденных в рамках других операций, составила около 1 % от общего числа приговоренных Комиссией НКВД и Прокурора СССР и Особыми тройками к различным мерам наказания. В «смешанной» операции, в отличие от остальных «национальных» карательных акций, в отношении вышеуказанных «неблагонадежных» групп населения сохранялось магистральное для приказа № 00593 обвинение в «японском шпионаже». Такая же тенденция сохранялась и для целевых категорий «польского», «немецкого», «греческого» и других приказов.

В большинстве случаев в «смешанные» протоколы «альбомы», составленные территориальными органами НКВД в порядке приказа № 00593, включались полностью, но иногда из одной части «альбомных» справок формировали «харбинский» протокол, а другую – вносили в «разные». Такие корректировки были общесоюзной тенденцией, но особенно массово они затронули Новосибирскую, Московскую, Читинскую, Ярославскую, Тульскую области, Бурят-Монгольскую АССР, Киргизскую, Узбекскую ССР. Около 1,6 тыс. «харбинцев», китайцев, корейцев, уйгур, «дальневосточников», «монголистов» и других были включены в «смешанные» протоколы, а значит, не вошли в итоговую статистику по приказу № 00593.

Среди российских регионов наиболее массовый характер чистка приобрела в Московской области, где, согласно данным Комиссии НКВД и Прокурора СССР, к началу сентября 1938 г. по «смешанной» операции прошел 1131 чел., в том числе 12 корейцев. В Новосибирске по «смешанным» протоколам прошло 373 чел., из которых 362 чел. были осуждены «двойкой» как «японские шпионы», т.е. 97 % от числа всех осужденных по операции. В число репрессированных попали и корейцы (19 чел.).

В Узбекской ССР жертвами «разных» протоколов стали 144 чел., из них 133 чел. – «японские» шпионы. Корейцы (38 чел.) стали целевыми категориями «смешанной» карательной акции, хотя в сопроводительном письме к «альбому» присутствует отсылка к приказу № 00593. Если по «харбинским» протоколам корейцы прошли в январе–марте 1938 г., то по «смешанным» – в апреле–мае, хотя в Москву «альбомы» были отправлены в марте 1938 г. Для корейцев новая репрессия была второй, иногда третьей. Большая часть осужденных (34 чел.) была депортирована в Узбекскую ССР осенью 1937 г.

По «смешанной» карательной акции прошло около 1,6 тыс. чел., арестованных в рамках приказа № 00593, в том числе около 500 корейцев. Более точной цифры на данном этапе исследования мы назвать не можем, но в любом случае эти сведения увеличат общую численность репрессированных корейцев в период Большого террора.

В отчете НКВД, подготовленном к лету 1938 г., зафиксировано, что с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. арестам подверглось около 5 тыс. человек корейской национальности. Кроме того, в этой же сводке присутствует информация о 9 тыс. человек, прошедших по так называемой китайско-корейской линии НКВД. Однако анализ делопроизводственной документации органов госбезопасности не подтверждает существования такой операции. Возможно, под китайско-корейской линией в сводке чекисты понимали репрессии против корейцев и китайцев. Но в целом цифры отчета не противоречат отчету НКВД [33, 157–163 с.]. На его основании и на основании

цифровых данных протоколов внесудебных инстанций мы можем говорить о численности репрессированных корейцев в годы Большого террора. Это значение находится в границах 5,5–7 тыс. человек, при этом около 5 тыс. человек прошло по приказу № 00593 и около 500 человек по «смешанной» операции. Остальные прошли по другим массовым операциям Большого террора, в частности «кулацкой».

Заключение

Таким образом, чистка корейского населения в период Большого террора осуществлялась в рамках приказа № 00447 в ходе репрессий против советской элиты, а также по другим «национальным» операциям, в частности «харбинской» и «смешанной». Так, за сентябрь–ноябрь 1938 г. по «польской» линии прошло 2 корейца, «немецкой» – 4, «китайской» – 37 [34, 2 л.], по «кулацкой» операции – 124 [33]. Однако аресты и осуждения по указанным массовым операциям были единичными, масштабная же карательная акция против представителей этой этнической группы была реализована в «харбинской» операции. В ходе «харбинской» операции арестам подвергались корейцы, репрессированные в первой половине 1930-х гг. Однако теперь приговоры главным образом выносились в пользу смертной казни. С октября 1937 г. по ноябрь 1938 г. в рамках «харбинской» операции было репрессировано

около 5 тыс. чел., что составило около 14 % от общего числа осужденных по приказу № 00593. При этом главным поводом для чисток выступала не национальная принадлежность, а наличие репрессий в прошлом. Депортация была проведена по этническому признаку с целью очищения Дальнего Востока от крупной общины, при этом она сопровождалась «зачисткой» региона от наиболее «опасных» корейцев, обвиненных в «японском шпионаже». Такая «зачистка» коснулась депортантов в Казахской ССР. Нам представляется, что инициатива по проведению репрессий по приказу № 00593 против корейцев в ДВК и Казахской ССР исходила от начальника УНКВД Г.С. Люшкова и наркома внутренних дел КССР С.Ф. Реденса, которые таким образом увеличивали масштабы репрессий на подведомственных им территориях. В целом включение ранее репрессированных корейцев в приказ № 00593 было общесоюзной тенденцией. Массовость репрессий зависела от численности «опасных» элементов в регионах. С особой жестокостью карательные акции проходили на приграничных территориях, которые, по мнению руководства СССР, были наиболее уязвимыми для появления пятой колонны. К окончанию Большого террора корейский вопрос советским правительством был решен, диаспора была отселена от границ, а особенно «неблагонадежных» режим подверг чистке. Итог «корейской» операции выразался в 179 тыс. репрессированных.

Список литературы

- 1 Всесоюзная перепись населения 1926 года. - Москва: Издание ЦСУ Союза, 1929. - 117 с.
- 2 Жиромская В.Б., Поляков Ю.А. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / В.Б. Жиромская, Ю.А.Поляков. - Москва: «Российская политическая энциклопедия», 2007. - 90 с.
- 3 Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. / Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток, - 2011. -191 с.
- 4 ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 275. Л. 1-21.
- 5 Сон Ж.Г. Российские корейцы: всевидение власти и бесправие этнической общности 1920-1930. - Москва: Гриф и К, 2013. - 532 с.

- 6 Володин И. Иностраннный шпионаж на советском Дальнем Востоке Правда. 1937. 23 апреля.
- 7 Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. - 191 с.
- 8 Подрывная работа японской разведки // Правда. - 1937. - 9 - 10 июля.
- 9 База данных «Жертвы политического террора в СССР». [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BC_%D0%97%D0%B0%D0%B5%D0%BD_\(1903\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BC_%D0%97%D0%B0%D0%B5%D0%BD_(1903)) (дата обращения: 05.05.2021 г.).
- 10 Сон Ж. Российские корейцы: всеилие власти и бесправие этнической общности 1920–1930 / Ж. Сон. Москва: Гриф и К, 2013. – 532 с.
- 11 Сон Ж. Советские корейцы в молохе политических репрессий 1930-х годов // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9. - № 2. - С. 113–121.
- 12 Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. / А.Г. Тепляков. - Москва: Новый Хронограф, 2008. - 620 с.
- 13 Жданова Г. Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг. / Г.Д. Жданова. – Барнаул: АЗБУ-КА, 2015. - 255 с.
- 14 Хаустов В. Н. Японская операция НКВД в 1937–1938 гг. // История сталинизма. Политические и социальные аспекты истории сталинизма. - Москва, 2015. - С. 106 -118.
- 15 Юнге М., Биннер Р. Как террор стал Большим. Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения / М. Юнге, Р. Биннер. - Москва: АИРО-XX, 2003. - 352 с.
- 16 Хаустов В. Н., В. П. Наумов, Плотникова Н. С. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. - Москва: МФД, 2004. - 736 с.
- 17 Сон Ж.Г. Региональные особенности массовых политических репрессий (на примере корейцев Дальнего Востока) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года. Материалы VI Международной научной конференции. - Краснодар: Экоинвест, 2010. - С. 286-299.
- 18 ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6936.
- 19 Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. [Электрон. ресурс].-1956.-URL: <http://www.idf.ru/2/7/shtml> (дата обращения: 02.02.2021).
- 20 Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 98. Л. 17–76.
- 21 Люшков Г.С. Я критикую социализм // Gehkan Roshia. Tokio, 1939. N 5.
- 22 УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 11709–10441.
- 23 ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 240. Л. 80–154.
- 24 УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9828–9874.
- 25 ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5858.
- 26 ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 384–422.
- 27 Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 1. Л. 1.
- 28 Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 98. Л. 44.
- 29 Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 1. Л. 1.
- 30 Протоколы Особой тройки по Новосибирской области. Сентябрь–ноябрь 1938 г. Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 7/1.
- 31 ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 33–35.
- 32 ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 2.
- 33 Данилов В., Мошков Ю., Кудюкина М., Царевская Т. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / В. Данилов, Ю. Мошков, М. Кудюкина, Т. Царевская. - Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. -1008 с.

Н.А. Потапова

РФА СБ тарих институты, Новосибирск, Ресей

1930 жылдардағы КСРО-дағы корей диаспорасы

Аңдатпа. Мақалада Кеңес Одағындағы корей мәселесі және оны шешу жолдарын табу жолдары қарастырылады. Большевиктер Қиыр Шығысты корейлердің белсенді қоныстануы туралы шешілмеген мәселені Ресей империясынан мұра етті. Жапон Кореясынан Халықтың көші-қоны жаппай және бақылаусыз болды. Кеңес Одағының бүкіл аумағында қоныстанған қытайлардан айырмашылығы, корейлер Қиыр Шығыс аймағында жинақы орналасқан. 1937 жылғы халық санағы бойынша КСРО-дағы диаспора шамамен 200 мың адамды құрады. 1920 жылдардан бастап большевиктік үкімет елдегі корей мәселесін шешуге тырысады, соның ішінде диаспора өкілдерін қуғын-сүргінге ұшыратады. Алайда, большевиктер 1930 жылдары түбегейлі және шешуші шараларға жүгінді. Осы уақытта Корей халқына қатысты қудалау жағдайлары жиілеп кетті, оның басты себебі большевиктер Үкіметінің елді «сенімсіз» және «қауіпті» элементтерден босату ниетіне байланысты болды. 1930 жылдардағы корейлерге қатысты қуғын-сүргінді шартты түрде екі кезеңге бөлуге болады. Бірінші кезең жаңа онжылдықтың басынан 1937 жылдың жазына дейінгі уақытты қамтиды. Бұл кезең корей халқын бір рет тұтқындаумен сипатталады, қудалау апогейі 1931-1932 жж. келеді, бұл Жапонияның Маньчжурияны жаулап алуымен түсіндіріледі. Нәтижесінде кеңестік Қиыр Шығыста корей халқының жаңа толқыны пайда болды. Жапондық соғыс қаупі большевиктер үкіметін КСРО-да шетелдік тыңшылар мен агенттерді іздеуге итермелеген басты себеп болды, ал Жапония басып алған және Кеңес Одағында тұрған Халыққа жапон тыңшылығы айыпталды. Сондықтан корейлер бесінші баған деп аталатын категориялардың біріне айналды. 1930 жылдардың бірінші жартысындағы нүктелік репрессиялар 1930 жылдардың екінші жартысындағы жаппай жазалау акцияларымен алмастырылды, олардың шыңы 1937-1938 жылдары болды. Бірінші акция Қиыр Шығыс корейлерін Қазақстан мен Өзбекстанға депортациялау болды. Екіншісі – НКВД – ның, атап айтқанда «харбинскийдің» жаппай операциялары аясында Үлкен Террор кезеңінде корей халқын тұтқындау және соттау. 1937-1938 жылдарға дейін корейлерді тұтқындау және соттау жүздеген адамды құрады. Мысалы, 1933 ж. тыңшылық үшін 213 адам, 1934 жылы – 104 адам, 1935 жылы-200 адам сотталды. Үлкен Террор кезеңінде тек № 00593 бұйрық бойынша 5 мыңға жуық кәріс өтті.

Түйін сөздер: КСРО; корейлер; репрессия; Үлкен террор; «Харбин» операциясы; «ұлттық» сызықтар.

N.A. Potapova

Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia

The Korean diaspora in the USSR in the 1930s

Abstract. The article is devoted to the so-called Korean problem in the Soviet Union and ways to find ways to solve it. The Bolsheviks inherited from the Russian Empire the unresolved issue of active settlement of the Far East by Koreans. The migration from Japanese Korea was massive and uncontrolled. Unlike the Chinese, who settled all over the Soviet Union, Koreans settled compactly in the far eastern region. According to the 1937 census, the diaspora in the USSR numbered about 200,000 people. Since the 1920s, the Bolshevik government has attempted to solve the Korean question in the country, including repression of the diaspora. However, the Bolsheviks resorted to drastic and decisive measures in the 1930s. At this time, persecution of the Korean population increased. The main reason for persecution was the desire of the Bolshevik government to rid the country of «unreliable» and «dangerous» elements. The repression of Koreans in the 1930s can be divided into two stages. The first stage covers the period from the beginning of the new decade to the summer of 1937. This period is characterized by sporadic arrests of the Korean population, with the peak of persecution being in 1931-1932 due to the occupation of Manchuria by Japan and, consequently, a new wave of the Korean population emerged in the Soviet Far East. The Japanese military threat was the main reason for the Bolshevik government

to look for foreign spies and agents in the USSR, and the population living in territories occupied by Japan and ending up in the Soviet Union were charged with Japanese espionage. The Koreans therefore became a category of the so-called fifth column. The targeted repressions in the first half of the 1930s were replaced by mass punitive actions in the second half of the 1930s, which reached their peak in 1937-1938. The repression of Koreans in 1937-1938 comprised conditionally two punitive campaigns. The first campaign was the deportation of far eastern Koreans to Kazakhstan and Uzbekistan. The second was the arrests and convictions of the Korean population during the period of the Great Terror as part of the mass operations of the NKVD (The People's Commissariat for Internal Affairs), particularly the «Harbin» operation. Before 1937-1938, arrests and convictions of Koreans ranged in the hundreds. Thus, for example, in 1933 213 persons were convicted of espionage, in 1934 - 104, in 1935 - 200. During the period of the Big Terror only under the order No.00593 there were convicted about 5 thousand Koreans.

Keywords: USSR; Koreans; repression; Big Terror; «Harbin» operation; «national» lines.

References

- 1 Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [All-Union Population Census of 1926], (Izдание CSU Soyuz SSSR, Moscow, 1929, 117 p.), [in Russian].
- 2 Zhiromskaya V.B., Polyakov Yu.A. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov [All-Union Population Census of 1937: General Results. Collection of documents and materials], (ROSSPEN, Moscow, 2007, 90 p.), [in Russian].
- 3 Chernoluckaya E.N. Prinuditel'nye migracii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg. [Forced Migration in the Soviet Far East in the 1920s and 1950s.], Vladivostok, 2011, P. 191. [in Russian].
- 4 OGA SBU. F. 13. D. 275. L. 1–21. [in Russian].
- 5 Son Zh.G. Rossijskie korejcy: vselie vlasti i bespravie etnicheskoi obshchnosti. 1920–1930 [Russian Koreans: the omnipotence of power and the powerlessness of the ethnic community. 1920-1930]. Moscow, 2013, P. 254–255. [in Russian].
- 6 Volodin I. Inostrannyj shpionazh na sovetskom Dal'nem Vostoke [Foreign espionage in the Soviet Far East] Pravda [The Truth], 1937, 9 - 10 July, [in Russian].
- 7 Potapova N.A. «Harbinskaya» operaciya NKVD SSSR 1937–1938 gg.: mekhanizmy, celevye gruppy i masshtaby repressij [«Harbin» Operation 1937-1938 by the USSR NKVD: Mechanisms, Target Groups and Scale of Repressions], Aletejya, Saint Petersburg, 2020, P. 171–191. [in Russian].
- 8 Podryvnaya rabota yaponskoj razvedki [Subversion of Japanese intelligence], Pravda [The truth], 1937, 9–10 July, [in Russian].
- 9 Baza dannyh «Zherty politicheskogo terrora v SSSR». [Database «Victims of Political Terror in the USSR», Available at: [https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BC_%D0%97%D0%B0%D0%B5%D0%BD_\(1903\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BC_%D0%97%D0%B0%D0%B5%D0%BD_(1903)) [in Russian]. (accessed 22.05.2021).
- 10 Son Zh. Rossijskie korejcy: vselie vlasti i bespravie etnicheskoi obshchnosti 1920–1930 [Russian Koreans: the omnipotence of the authorities and the powerlessness of the ethnic community 1920-1930], (Grif i K, Moscow, 2013, 532 p.), [in Russian].
- 11 Son Zh. Sovetskie korejcy v molohe politicheskij repressij 1930-h godov [Soviet Koreans in the flames of political repression of the 1930s] Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and Socio-Educational Thought], 2017, Vol. 9, № 2, P. 113–121. [in Russian].
- 12 Teplyakov A.G. Mashina terrora: OGPU-NKVD Sibiri v 1929–1941 gg. [The Machine of Terror: The OGPU-NKVD of Siberia in 1929-1941.] (Novyj Hronograf, Moscow, 2008, 620 p.), [in Russian].
- 13 Zhdanov G.D. Politicheskie repressii na Altae 1919–1938 gg.: istoriko-statisticheskoe issledovanie [Political repression in Altai 1919-1938], (Barnaul, Azbuka, 2015, 255 p.), [in Russian].
- 14 Haustov V.N. Yaponskaya operaciya NKVD v 1937–1938 gg. [The Japanese Operation of the NKVD in 1937-1938] Istorija stalinizma. Politicheskie i social'nye aspekty istorii stalinizma [History of Stalinism. Political and Social Aspects of the History of Stalinism], Moscow, 2015, P. 106–118. [in Russian].

15 Yunge M., Binner R. Kak terror stal Bol'shim. Sekretnyj prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya [How Terror Became Big. Secret Order No. 00447 and the technology of its execution] (AIRO-XX, Moscow, 2003, 352 p.), [in Russian].

16 Haustov V. N., Naumov V. P., Plotnikova N. S. Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. 1937—1938 [Lubyanka. Stalin and the Chief Directorate of State Security NKVD. Stalin's archive. Documents of the highest organs of the Party and state power. 1937-1938], (MFD, Moscow, 2004, 736p.), [in Russian].

17 Son Zh.G. Regional'nye osobennosti massovyh politicheskikh repressij (na primere korejcev Dal'nego Vostoka) [Regional peculiarities of mass political repressions (the example of Koreans of the Far East)] Problemy istorii massovyh politicheskikh repressij v SSSR. K 70-letiyu Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1939 goda. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Problems of the History of Mass Political Repression in the USSR. To the 70th Anniversary of the 1939 All-Union Population Census. Materials of the VI International Scientific Conference.], Krasnodar, Ekoinvest, 2010, P. 286–299. [in Russian].

18 OSD GAAK. F. R-2. Op. 7. D. 6936. [in Russian].

19 Doklad Komissii CK KPSS Prezidiumu CK KPSS po ustanovleniyu prichin massovyh repressij protiv chlenov i kandidatov v chleny CK VKP(b), izbrannyh na HVII s»ezde partii ot 9 fevralya 1956 g. [Report of the Commission of the CPSU Central Committee to the Presidium of the CPSU Central Committee to establish the causes of mass repressions against members and candidates for membership in the Central Committee of the CPSU(b), elected at the XVII Party Congress on February 9, 1956.], Available at: <http://www.idf.ru/2/7/shtml> [in Russian]. (accessed 02.02.2021).

20 Arhiv UFSB po Krasnoyarskomu krayu. [Krasnoyarsk Krai Federal Security Service Archive] F. 2. D. 98. L. 17–76. [in Russian].

21 Lyushkov G.S. Ya kritikuyu socializm Gehkan Roshia [I Criticize Socialism] Tokio, 1939. N 5. [in Russian].

22 UFSB po Omskoj oblasti [UFSB in the Omsk region] F. 6. Por. 11709–10441. [in Russian].

23 OGA SBU. F. 16. Op. 1. D. 240. L. 80–154. [in Russian].

24 UFSB po Omskoj oblasti. [UFSB in the Omsk region] F. 6. Por. 9828–9874. [in Russian].

25 OSD GAAK. F. R-2. Op. 7. D. 5858. [in Russian].

26 OSD GAAK. F. R-2. Op. 5. D. 384–422. [in Russian].

27 Arhiv UFSB po Krasnoyarskomu krayu. [Krasnoyarsk Krai Federal Security Service Archive] F. 9. D. 1. L. 1. [in Russian].

28 Arhiv UFSB po Krasnoyarskomu krayu [Krasnoyarsk Krai Federal Security Service Archive] F. 2. D. 98. L. 44. [in Russian].

29 Arhiv UFSB po Krasnoyarskomu krayu [Krasnoyarsk Krai Federal Security Service Archive] F. 9. D. 1. L. 1. [in Russian].

30 Protokoly Osoboj trojki po Novosibirskoj oblasti. Sentyabr'–noyabr' 1938 g. Arhiv UFSB po Novosibirskoj oblasti [Protocols of the Special Troika for the Novosibirsk Region. September–November 1938. Archive of the Novosibirsk Oblast Federal Security Service.] F. 7/1. [in Russian].

31 CA FSB. F. 8os. Op. 1. Por. 70. L. 33–35. [in Russian].

32 CA FSB. F. 8os. Op. 1. Por. 70. L. 2. [in Russian].

33 Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. M., 1999–2006. T. 5, kn. 2: 1938–1939. 163. CA FSB. F. 8os. Op. 1. Por. 70. L. 2. [in Russian].

Сведения об авторах:

Потапова Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

Potapova Natalia Anatolievna – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher at the Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.